

Анна Бру

Божий храм,

а над ним

небосвод

Анна Бру

Божий храм, а над ним небосвод

«У Никитских ворот»

2019

УДК 82
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Бру А.

Божий храм, а над ним небосвод / А. Бру — «У Никитских
ворот», 2019

ISBN 978-5-00095-719-6

Читатель уже знает поэтессу Анну Бру, дочь известного русского поэта, с некоторых пор проживающую в США, город Денвер, штат Колорадо. Прошлогодний дебют её стихотворного сборника «Неведомо зачем» был принят с большим интересом на презентации в Доме Русского зарубежья им. А. Солженицына. В адрес автора прозвучало немало тёплых, благодарственных слов, плоды творчества Анны сумели отыскать в Москве свою аудиторию. В рецензии, опубликованной в «Независимой газете», особо акцентируется самобытность поэтессы, её глубина. Новый сборник произведений Анны Бру лишь открывается стихами. Первая часть книги, новый поэтический цикл, бесспорно, очень многим будет по душе. А далее читатель познакомится с прозой полюбившегося автора – главами из книги «Панк-хроники советских времён». «Панк-хроники» – это большое полотно с множеством глав, написанное Анной по-английски. Главы, опубликованные в этой книге, специально переведены Анной для данного сборника. Писательница работает над полным переводом.

УДК 82
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-719-6

© Бру А., 2019

© У Никитских ворот, 2019

Содержание

Через овальное под лестницей окно	7
Стихотворения	9
Евдокия	9
«Застыло время, может, навсегда...»	10
«Звенел трамвай, скрипели сани...»	11
«Вы поднялись из-за стола...»	12
«Есть зависть к тем, что умерли так рано...»	13
Жертва	14
«Воспоминания, как жгучие сапфиры...»	15
Детские забавы	16
«Я молодою головой на старой шее...»	17
«Сбивая варежкой сосульки на Покровке...»	18
В утробе	19
Отголоски	20
Вероятность	21
Прощание	22
«Смолк колокола звук, пропев вечерню...»	23
«Определённо холодны...»	24
Розы твои	25
Барабаны судьбы	26
Каренина	27
Связь поколений	28
Межпланетный визит	29
«Твоё лицо у белой занавески...»	30
Москва 80-х	31
«В середине реки каменистой полоской...»	32
Она	33
Оно	34
Платочек	35
Post mortem	36
Поэтический момент	37
«В ночи слепые небоскрёбы...»	38
Разговор с Врубелем	39
«Разделена с тобой бездушной толпой...»	40
«Мечтаю, что мы встретимся в Гаване...»	41
«Вера! Надежда! Любовь!..»	42
«Устав от старых пошлых слов...»	43
«Я телеграфный столб, я трансформатор...»	44
«Окно вдруг вдребезги разбилось...»	45
Я и ты	46
«Я не умру, а растворюсь...»	47
Чудеса	48
Калейдоскоп	49
Вино	50
«Безлюдно. В облаках голубизна...»	51
Тропическая фантазия	52

На смерть Ю.П	53
«Потемнело небо синее...»	54
Мертвецы и поэты	55
Панк-хроники советских времён	56
Начало	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Анна Бру

Божий храм, а над ним небосвод

Через овальное под лестницей окно

С первой книгой Анны Бру читатель встретился больше года назад. Это был стихотворный сборник «Неведомо зачем», издательство «Алетейя», СПб. Его презентация успешно прошла в мае прошлого года в Москве, в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына. Это был интересный, памятный вечер. Звучали ажурно мелодичные стихи поэтессы:

*В абсурде фиолетовой ночи
Ножи в тортах торчат, как минареты.
Из спичек воздвигаю я Кижю
В дыму твоей последней сигареты.*

И ранние, по ощущенью мира, строки Анны:

*Сбивая варежкой сосульки на Покровке,
Я пробегу по тротуару без труда.
Стучит капель по барабанной перепонке,
И впереди уже грядет моя судьба.*

* * *

Теперь в руках мы держим новый сборник поэтессы. Здесь лишь несколько уже знакомых нам стихотворений. А большинство – или прежде не печаталось, или не так давно написано, – и нам представлена возможность для себя их открывать.

Палитра красок поэтессы необъятно широка. Иссиня-чёрный фон трагических стихов («Евдокия», «На смерть Ю.П.») сменяется беспечно-беленьким, окрасившим стихотворение «Платочек», которому за три четверостишья придётся много раз подкорректировать свой тон.

Потом вдруг возникает выплеск цвета ярко-энергического, взрывного:

*Далёкой юности желанья уцелели:
Любовь, вино и быстрая езда.*

Лишь стоит прочитать внимательней, за часто явно нарочитой простотой стихотворений Анны Бру скрывается многополярный, многоликий мир столь самобытной поэтессы.

Ирония, сквозящая из некоторых строк, отнюдь не дань постмодернизму. Скорее, это чисто русская привычка посмеяться над собой:

*Так вот и я, лохмата и смугла,
Росла как саженец, оторванный от почвы,
Цеплялась корешками, как могла,
За небо – в сандалетах без подошвы.*

* * *

С особым интересом и вниманием мы, напоследок, приоткроем избранные главы из «Панк-хроник советских времен». Исторически эта книга написана Анной по-английски. Выбрав для данного сборника специально разрозненные главы, писательница их перевела. Благодаря этим авторским переводам сделалась возможной встреча российского читателя с прозой поэтессы. Знакомство, прямо скажем, интригующее.

«Когда дверь открывается, я вижу Землю под лестницей в овальном туманном окне и представляю, как покину это место навсегда», – едва не первое воспоминание малышки.

Хоть велико желание обрисовать события «Панк-хроник», но вряд ли следует пускаться в пересказ. Читатель сам, нам представляется, не сможет оторваться.

Глубокими и самобытными стихами, захватывающей, аскетичной, жесткой прозой – сильна уверенность, что равнодушным эта книга не оставит никого.

Олеся Трунина

Стихотворения

Евдокия

*Моей бабушке, принявшей мучительную смерть, обварившись
кипятком*

С безотказностью так, шаг за шагом,
Испытала терпенье судьбы.
За колючим насмешливым взглядом
Ты скрывала тоску голытьбы.

Ты томила по праздничным платьям,
По серёжкам, ботинкам из кож,
По горячим и крепким объятьям
Молодца, что лицом так пригож.

На работе, и ночью, и денно,
Жизнь свою проживала в пару.
На людей ты смотрела надменно,
Возвращаясь домой поутру.

В Колизее, на старом бульваре,
Где ночами крутили кино,
Утопая в сигарном угаре
Поэтесса глотала вино.

На ситро, бутерброд с колбасою,
Денег хватит, а после – конец.
Удавиться ль своею косою?
Или, может, пойти под венец?

Шепот нервный застрял за зубами,
Заскорузла в ожогах дыра.
В кипятке, как в бурлящем Цунами,
Обварилась Дуняша вчера.

Свечи белые пахнут гробами,
Встал часов беспощадный завод,
И над скорбно крещёнными лбами
Божий храм, а потом небосвод.

«Застыло время, может, навсегда...»

Зое

Застыло время, может, навсегда,
Тюльпан поник в зелёных панталонах.
Весь мир стоит. Не ходят поезда.
И я как будто снова молода,
Купаюсь на подстриженных газонах.

Что случилось, и чья во всём вина?
Спокойствие клонится к зоне риска.

Оставьте девочку, пускай поёт она
На крышах Амстердама по-английски.

«Звенел трамвай, скрипели сани...»

Звенел трамвай, скрипели сани,
Снег таял прямо под ногой.
Жива, наперекор гаданьям,
Я шла к метро по мостовой.

Ты провожал меня глазами,
Не думал ты, что не вернусь.
А я шептала лишь губами:
«Тебя я больше не боюсь».

«Вы поднялись из-за стола...»

Володе Морозову

Вы поднялись из-за стола,
Салфетка пала мёртвой птицей.
Так, в атмосфере торжества,
Простилась я с самоубийцей.

Осенний ветер дунул из-под двери,
Взглянули вы на нас, как на чужих.
Я знаю, что никто мне не поверит,
Но вы уже не числились в живых.

Мне позвонит одна из ваших бывших,
Что вас нашли висящим на ремне...

И что нам делать, вас любившим,
В пропахшей водкой тишине?

«Есть зависть к тем, что умерли так рано...»

Есть зависть к тем, что умерли так рано,
В зените славы, в блеске красоты.

А жизнь всё капает из сломанного крана
В мерцающей вельветовой ночи.

Жертва

Кольца Садового угрюмое ненастье
Обрушилось внезапно с облаков.
Её он держит крепко за запястье
В одном из прилегающих дворов.

Упрямых глаз бездонные глубины
Как омуты чернеют подо льдом.
Неловкий шаг – зелёная от тины,
Она всплывёт, отвергнутая дном.

Визг тормозов, сирены воют,
Ко лбу волос прилипли завитки.
Её у Склифосовского обмоют
И швы из шёлка разукрасят ей виски.

«Воспоминания, как жгучие сапфиры...»

ПФК

Воспоминания, как жгучие сапфиры,
Бушуют в аметистовой волне.
Судьба нас растрянжирила по миру,
Вчера тебя я видела во сне.

Мы исчезаем гордо и степенно,
Не теребим гнедого старого узды.
Друг друга будем помнить непременно,
Мясницкую и Чистые пруды.

Детские забавы

Девчонка в парусиновых туфлях
Осталась в этой жизни без присмотра.
Она мечтает вечно жить в стихах
И есть кусочки яблочного торта.

Её пальто запачкано бензином,
Одежка выцвела, и вытерлось сукно...

Немногим беспризорникам дано
Так грациозно уколоться героином.

«Я молодую головой на старой шее...»

ДБ

Я молодую головой на старой шее
Кручу из любопытства, как дитя.
Далёкой юности желанья уцелели:
Любовь, вино и быстрая езда.

В аллее отцветающих магнолий
По-прежнему тянусь к тебе рукой.
Ты поделил со мной скитальческую долю.
Готов ли разделить со мной покой?

«Сбивая варежкой сосульки на Покровке...»

Сбивая варежкой сосульки на Покровке,
Я пробегу по тротуару без труда.
Стучит капель по барабанной перепонке,
И впереди уже грядёт моя судьба.

А у черёмухи в Машковом переулке
Уж набухают изумрудные листья.
Я отправляюсь по бульварам на прогулку
В браслетах из кудрявой бересты.

В утробе

Земных полей далёкий небосвод
Манит меня мерцающей полоской,
Тревожный зов околоплодных вод
Как будто шёпот в Тишине Матросской.

Отголоски

Родившись затруднительно и в муках,
В день осени, дождливый и сырой,
Очнулась я в дешёвых серых брюках
На лавочке в метро на «кольцевой».

Заглатывая жёлтый мрак туннельный,
Держусь за поручень, как птица за червя.
Дыханье моей музыки из вселенной
Я чувствую у своего плеча.

Локомотива электрическая сила
Меня уносит – может, навсегда?
С туманных сопот западных Курилов
Луна глядит раскосо на меня.

Моргает она белыми глазами,
Вся праздничная в облачном манто.
И, спрятавшись за теми облаками,
Скрывает оспой поражённое лицо.

Прощай, Цветной бульвар, моё почтенье!
Бубнят в аллее сонно циркачи.
Пьют пиво с воблой после представленья
Свободного паденья короли.

Вероятность

Я в облаках, с подносом из пластмассы,
Жую салата вялые листья.
Мотора реактивные фугасы
Ревут, не испугавшись высоты.

Забыты мною лестницы и стулья,
И мусор, и бензин на мостовой,
Забыты шляпы, туфли, пчёлы в ульях,
Забыты тополя на Беговой.

Вернусь ли я когда – никто не знает.
Умру ли я от пули басмача?
Иль до смерти меня кто укачает?
Или взорвусь, на демонстрации крича?

А, может быть, меня пырнут кинжалом.
А, может, глыба свалится с небес.
А, может, скорпион достанет жалом
И мне могилой станет темный лес.

Судьбы моей я старая игрушка.
Руки уж нет, и зрение не то.
Кукует всё ещё моя кукушка,
И я ношу любимое пальто.

Прощание

Москвы-реки тяжёлая вода
Покачивалась сонно на рассвете.
Глаза твои застыли навсегда,
И лужа крови сохла на паркете.

Лежишь теперь, прозрачная, в гробу,
Как птица, что с небес, и голубая.
Ты отыскала наконец свою судьбу
И сгинула навек, нас всех прощая.

«Смолк колокола звук, пропев вечерню...»

Брату

Смолк колокола звук, пропев вечерню,
И выплыла холодная луна,
Чтоб осветить дорогу в богадельню
И стен её пастельные тона.

Красавицы-природы безразличье
Бушует на могиле за рекой.
Москвы золотоглавое величье,
Храни души измученной покой.

«Определённо холодны...»

Определённо холодны
Во льду московские пруды.
Сверкает снег, алмазов полный —
Беспечный баловень воды.

Скользим, в полночном звёзд сияньи,
По Чистым призрачным прудам,
И от горячего дыхания
Луна разбилась пополам.

Розы твои

В абсурде фиолетовой ночи
Ножи в торгах торчат, как минареты.
Из спичек воздвигаю я Кижы
В дыму твоей последней сигареты.

Пластинка нашей пламенной любви
Проиграна на скорых оборотах.
Шрапнель ещё свистит из-под иглы,
Минуя сердце, отупевшее в заботах.

Но ты – ты преподносишь мне цветы
В залог привычного земного постоянства,
Как будто свет давно исчезнувшей звезды
В таинственном космическом пространстве.

Мы обнимаемся. В объятьях осторожность,
Страсть миновала, вся исчерпана до дна.
Моей души сиротской беспризорность
В букетах роз твоих погребена.

Барабаны судьбы

От стройных утончённых кипарисов
До голубых нетронутых снегов,
Давно знакомый запах барбариса
Манит из незапамятных веков.

Галактики холодное дыхание
Покрыло уже инеем виски.
Моё маниакальное сознание
Всё в русле высыхающей реки.

Пускай цветут вишнёвые аллеи,
Пускай шумят кудрявые дубы.
На голос предков я, с букетом из камелий,
Откликнусь барабанами судьбы.

Каренина

В тревожном колокольном перезвоне,
Усопших поминая про себя,
Каренина застыла на перроне
В последние минуты бытия.

Стихов любовных Вронского тетрадки
С мостами вместе сожжены вчера.
Стотысячных мехов ненужных лапки
Небрежно падают с красивого плеча.

Манит испарина шипящего гиганта.
Она, стряхнувши бремя всех забот,
Воспринимала стук колёс, как бой курантов,
Вдыхая жадно ядовитый креозот.

Сменился семафор на перегоне,
Торговка суетится у лотка.
Осталось одиноко на перроне
Затоптанное кружево платка.

Связь поколений

Я не могу отчаянно не думать
Про барабаны и оранжевый закат.
Когда я двигаюсь в тумане тропкой пумы,
Мне представляется, что вижу я Арбат

Где б ни была – воспоминания бушуют.
Бьют по мозгам, и даже мозжечку.
И мне неведомо, что дети облюбуют,
Куда мой правнук путь проложит по песку

Я потерялась в суматохе поколений
Между Америк, Африк и Москвы.
Вся жизнь моя прошла в преодоленьи
Границ, законов строгих и сумы.

Межпланетный визит

Явилась я с далёкой Андромеды
Без чемоданов, сумок, барахла.
Обутая в резиновые кеды,
Гляжу на золотые купола.

Я световые вёрсты нанизала
На чётки, что купила в Бухаре.
Я помню, как девчонкой приезжала
На площадь трёх вокзалов на заре.

Москва ещё жива, спокойно дышит,
В морозном воздухе струится пар из труб,
Что смотрят ввысь. Мотор ревёт и пышет.
Секунда – и к созвездиям рванут.

В столичных улиц гибкую поверхность
Я снег втопчу упругим башмаком.
А дальше – в вековую бесконечность
От тяжести московских катакомб.

«Твоё лицо у белой занавески...»

Твоё лицо у белой занавески
Желтеет акварелью, как во сне.
Твоих волос курчавых арабески
Воспоминанья взбудоражили во мне.

С триумфом умирающей калеки
Почти с улыбкой смотришь из окна.

Таким твой профиль врезала навеки
Больницы Градской истощённая стена.

Москва 80-х

Колокола звонят наперебой,
Промчалась «Аннушка» три четверти квартала.
Вперёд, вперёд, вперёд по мостовой,
А, может, даже дальше – до Урала!

От палуб ресторана «Джалтаранг»
Рукой подать до древнего Бомбея,
Где возле вод реки священной Ганг
Растёт бамбук, сандал лелея.

Жизнь как река, течёт от мели к мели,
От омута до омута. У дна
Бурлит, свирепо пенится у ели,
Что выросла на острове одна.

Так вот и я, лохмата и смугла,
Росла как саженец, оторванный от почвы,
Цеплялась корешками, как могла,
За небо – в сандалетах без подошвы.

«В середине реки каменистой полоской...»

Н. В. Гоголю

В середине реки каменистой полоской
Окружён валунами таинственный остров.

Словно в радуге, светятся ветви берёз,
Чаши лилий плывут в царство музыки и грёз

Облака не видны в серебристых потёмках,
Серый волк наконец убаюкал ребёнка.

Месяц ясно глядит на красотку в гробу,
Звёзды падают с неба в печную трубу.

Колдуны собрались ворожить на заре,
Слёзы сосен бегут по шершавой коре.

Вурдалаку невмочь – солнце встало опять.
Бог Перун поутру повернул Землю вспять.

Вот и я – далеко, за зелёные горы,
Полечу на метле в голубые просторы

Она

Откуда в беспризорнице-малышке
Горит идея маленького счастья?
Она когда-то родилась в манишке
С таинственным браслетом на запястье.

Но Рок её удерживал в узде.
Ведь на планете родилась она. Нигде
не миновать возмездья на Земле,
Где в ожидании она ломала руки...

Оно

Забрезжил свет голубенький.
Ну что ты стонешь, миленький?
Ты плачешь, будто маленький,
И нос твой очень красненький.

Случилось что-то мнимое,
Оно – непоправимое,
Такое неопрятное,
Безумно необъятное.

Нашёптано подружками,
Они такие ушлые.

Оно такое грязное
И челюстями лязгает.

Платочек

На мне платочек беленький шифоновый,
И свет вокруг сверкающий неоновый,
Чуллок поехал новенький нейлоновый,
А ты всё ждёшь меня, как околдованный.

Ты ждёшь меня у поворота левого,
С Садового кольца от снега белого,
Под небом почему-то цвета серого,
В пальто покроя старого нелепого.

Трущобы опустели здесь от холода,
Юродивые умерли от голода.
И вроде бы нет никакого повода
Бояться электрического провода.

Post mortem

Я в этом измерении погибла.
В другом – ещё как будто не была.
И кажется, что в сердце боль утихла.
А, может быть, я вовсе не жила?

На свете том не надо кругозора,
Не надо деньги делать и платить.
Булжные неровные узоры,
Во сне иль наяву, мне не забыть.

Реальности размыты горизонты,
Межзвёздный ветер пахнет высотой,
Седые колорадские курорты
Растаяли на солнце подо мной.

Поэтический момент

Сойдя с подножки «Северной стрелы»,
В советской грубой «парке» на ватине,
В тумане сером сумрачной зимы,
Бутылку крепкой водки по пути
Я взять решила в винном магазине.

Мой друг, по сути уличный поэт,
Вздыхнул почти пророчески и с грустью,
Взглянув на мой потрёпанный берет,
Приобретённый где-то в захолустье.

Его стихов возвышенных абсурд
Мне импонирует сегодня, как ни странно,
И на перила резко сброшенный тулуп
Открыл вдруг бурю поцелуев ураганных.

В подъезде вымершем осипшим баритоном
Читает он забытые стихи
Среди колонн, как в древнем Парфеноне,
Где пахли розами тончайшие духи.

«В ночи слепые небоскрёбы...»

В ночи слепые небоскрёбы
Мне шепчут в ухо – быть беде.
Бездомных тощие утробы
И их урчанье в темноте.

В моей душе растёт тревога,
Что ты исчезнешь под луной.
Куда ведёт тебя дорога?
И где твой берег, мой родной?

Разговор с Врубелем

Как устрица в сиянии перламутра,
Я утопаю в скользком бытие.
Дела свои откладывать на утро
Не принято на нашем корабле.

Под парусом, луну опережая,
Босые, чтобы устоять,
На палубе, святых всех проклиная,
Мы время поворачиваем вспять.

Я помню, как молчал ты отрешённо,
Как дождь стучал в каютное окно.
Как я болтала что-то нерезонно,
Как пили чай и красное вино.

Ты говорил – процесс творенья важен,
Что смерть холстов не главное теперь.
Что Демон жив, нам жизнь ещё докажет —
Есть в прошлое невидимая дверь.

А мы сидим, выглядим серьёзно.
Плывём на корабле в небытие.
И молния из серой тучи грозной
Расходует сверкание своё.

«Разделена с тобой бездушной толпой...»

Разделена с тобой бездушной толпой,
Глотаю слёзы, чтоб не зарыдать.
В собор Исакия, французский долгострой,
Я забрела, но не молиться, не стенать.

Сверкает серебро, Мадонна в злате,
Непостижимого символика – алтарь.
Колоколов тяжёлых медные набаты
Зажгли в душе моей божественный пожар.

Гремя карманной мелочью нескромно,
Я покупаю белую свечу.
Чтоб не остаться в старости бездомной!
Чтоб заплатить последнему врачу!

Среди толпы я оказалась одинокой.
Не нужны мне богатство и любовь.
Мне б умереть на дикой Ориноко,
Пролив турецкую и взбалмошную кровь.

«Мечтаю, что мы встретимся в Гаване...»

Мечтаю, что мы встретимся в Гаване,
Среди лимонов и оранжевой хурмы,
Песочно-ананасовой нирваны
И джаза экзотичной кутерьмы.

Большое небо что-то обещает,
Гостеприимна атлантическая мель.
За друга моего я поднимаю
Бумажным зонтиком украшенный коктейль.

«Вера! Надежда! Любовь!..»

Старому другу

Вера! Надежда! Любовь!
Почему я не знала вас раньше?
Мы друг друга увидели вновь,
Пьём сидро из фарфоровой чаши.

Может, наши потуги убоги?
Посреди отшумевшего леса
Призрак Музы, олень златорогий,
Окружён дымовою завесой.

Весь в дыму, он сверкает надеждой,
Белоснежный красавец-прыгун.

Остальное течёт, как и прежде,
Огибая зелёный валун.

«Устав от старых пошлых слов...»

Устав от старых пошлых слов,
Я улетаю с островов.

Мой самолёт перед разгоном
Сосредоточенно притих.

Взрвёт, покрытая бетоном,
Земля, рождая новый стих.

Я, как актриса Голливуда,
В очках от солнца и в платке.

Трепещет нервов амплитуда
В зажатом крепко кулаке.

«Я телеграфный столб, я трансформатор...»

Я телеграфный столб, я трансформатор,
Эмоций напряженья не боюсь.
Поэт в ночи – с зарёю сублиматор,
В дела я ваши просто не суюсь.

Гремят оглобли, лошадь ошалела,
Свирепый ветер воеет у плеча.
Мне нравится, что жизнь так оголтела,
Что денег нет, но есть одна мечта.

«Окно вдруг вдребезги разбилось...»

Окно вдруг вдребезги разбилось,
Упала птаха на ковёр.
Шехерезада мне приснилась
И чёрный шёлковый шатёр.

Её гадалки лик прекрасный
Не позволял её убить.
Она рассказывала сказки,
Чтоб жизнь свою чуть-чуть продлить.

И я пишу свои поэмы,
Сама не знаю почему.
Продлить ли жизнь? Решить дилемму?
Загадка сердцу и уму.

Хотелось бы летать по миру
И плыть морями без преград.
Играть по праздникам на лире
Иль на гитаре невпопад.

Я и ты

Останкинская башня, как торпеда,
На воздухе морозном, на Земле.
В каракулевой шапке, как Рогнеда,
Я покупаю рыбное филе.

Мой князь Владимир ждёт у перехода
С Арбата на Калининский проспект.
И, как ни отвратительна погода,
В руке его живых цветов букет.

Гвоздики, астры, розы из поэмы.
Как трогательны пестик, лепестки.
Пусть нежен запах белой хризантемы,
Но я люблю простые васильки.

Не надо, не смотри, как будто знаешь,
Что я хочу с тобой поговорить.
С немым вопросом голову склоняешь,
Как будто можешь чем-то удивить.

Меня, весьма шальную сумасбродку,
Во мне есть анархистка и поэт.
Ты лоб мой прожимаешь к подбородку,
Мы стали как танцующий дуэт.

Тюльпан и роза – колкая иголка
Завёрнуты в прозрачную слюду.
У храма стонет тётка-богомолка
И нищий слёзно просит на еду.

Мне стыдно за каракуль и букеты.
Мой князь, смотри, страдает голытьба.
Зря в прошлом мы палили из мушкетов
И с Жанной Д'Арк горели у столба.

«Я не умру, а растворюсь...»

Я не умру, а растворюсь
В седом мерцании рассвета.
Я проплыву в зефире лета,
Как дым из дула пистолета.

Чудеса

Где помидоры падают с деревьев,
Где огурцы растут на облаках,
Я превратила платье из отрепьев
В руно из золота в сказочных стихах.

Представить можно всё, что хочешь,
Придумать глупенький сюжет.
Скажи – зачем ты саблю точишь?
Зачем ты чистишь пистолет?

Калейдоскоп

В эфире белом Монтерея
Парад стареющих сердец.
И я, как школьница робея,
Брожу меж радужных колец.

В аллее – турок в панталонах,
Туристам он гадать устал.
Вот мальчик с саблей из картона,
Почти как красочный Шагал.

И все фигуры в поднебесье
Зову я вежливо с собой
Пройтись по древнему полесью,
По камням, скрытым под водой.

Ключи от якоря причала
Звенят, как тройка в рюкзаке.
Здесь мир амфибий (я мечтала),
Все люди в рыбьей чешуе.

Смотри – увесистые тучи,
Как будто в злате саквояж.
И берега – всё круче, круче.
А ты – из прошлого мираж.

Вино

Спасибо предкам, что придумали вино.
Мы знаем наперёд, что в гроб дубовый
Нас упакуют строго, всё же – но...

Мы продолжаем и продолжим пить вино,
Поскольку плоти вечной жизни не дано.

«Безлюдно. В облаках голубизна...»

Безлюдно. В облаках голубизна,
Щеки коснулась веточка сирени.
Далёкая московская весна
Ко мне вернулась без предупреждений,
Волною мои мысли теребя,
И в этот миг я вспомнила тебя.

Как мы бежали беззаботно по Неглинной,
Как я что силы попевала за тобой,
И твою руку, что ты подал мне невинно,
Твою манжету с сигаретною дырой.

И нашу близость – исступление? Случайность?
Иль предназначенность. Чужого – не воруй.
И в переулке – неожиданный и тайный,
Почти что первый и последний поцелуй.

Тропическая фантазия

Чернее ночи от загара,
В песчано-галечной броне,
На берегах Мадагаскара
Бреду по пляжу, как во сне.

Здесь нет ни библий, ни корана,
У дам – открытое лицо.
Макну в чернила океана
Я голубиное перо.

Письмо с восьмого континента
Отправлю быструю стрелой.
Тогда ты с ящиком «Дербента»
Внезапно встанешь предо мной.

Пески и небо пышут зноем,
Фонтан – лазурная вода.
Слепят свою желтизною
Лимонов спелые глаза.

На смерть Ю.П

Как пирамид египетских вершины
Торчат локтей шершавые углы.
Здесь псевдоангелы в перчатках из резины
Укладывают мёртвых на столы.

Оконца утонули в жёлтой краске,
Застыла вечность в формалиновых парах.
Водою мёртвой, как в известной русской сказке,
Тебя прожектор обмывает впопыхах.

Уложит он в дубовую коробку
Тебя, чтобы от жизни оградить.
Мы будем пить токсическую водку,
Тебя помянем. Нужно дальше жить.

В транзитном крематория угаре
Держу я ландыши вспотевшею рукой.
Биенье сердца, как весла удары,
В озёра слёз, не выплаканных мной.

«Потемнело небо синее...»

Белле Ахмадулиной

Потемнело небо синее,
Вот опять гощу в России я.
Пиво жадно пьют бездомные,
Продаются туфли модные.

Речь славянская на улице,
Осенний дождик будто наплевал
В Большой и Малый переулок Харитоньевский,
Где Пушкин с Вяземским в былые дни гулял.

День не поуж. Хрустя рубашкой накрахмаленной,
Не торопясь, бреду по Крымскому мосту.
В стене кремлёвской, революцией закаленной,
Ножи неона режут бахрому.

У Моссовета голуби, как туча,
Мечтают улететь на Истамбул.
Вспорхнули вдруг. Узду рукой могучей
Князь Долгорукий крепко натянул.

Без разницы – что посуху, по лужам,
Вдыхая сигарет моих дымок,
Я чую приближенье вечной стужи,
И в горле собирается комок.

Прошло ли всё? Забыто? Стёрто в памяти?
Комфортна ли кладбищенская тишь?
Завяли уже флоксы у Москва-реки.
Поэтов из могил не воскресишь.

Мертвецы и поэты

Мертвецы и поэты тревожат сознание,
Наши души усталые, наши тела.
Удержаться пытаемся где-то в изгнании,
На забытых квартирах, сгоревших дотла.

Как побитые молью истлевшие шали,
Мы висим по шкафам, провоняв табаком.
Вспоминаем, как наши адепты стонали
Возле нашей ноги над крутым каблуком.

Нас почти уже нет, мы парим в поднебесье,
Как подхваченный ветром опавший листок.
Наши тени бредут в отшумевшем полесье,
Серпантин в волосах превратился в песок

И назойлива дума: я в белом шифоне,
С чёрной лентой атласной на юной груди
Молчаливо тотальна. В том мёртвом сезоне,
Ты с багряной зарёю меня не буди.

Панк-хроники советских времён

Никогда никому ничего не говори
Джером Давид Сэлинджер «Над пропастью во ржи»

Начало

Мои первые воспоминания не так уж плохи. Мне помнится, как я смотрела в замочную скважину. Год 1958-й от рождества Христова. Я в коридоре, в котором семь дверей. Одна из них ведёт в мир. Сегодня и каждый день она закрыта, пока кто-нибудь из моей родни её не откроет. Я жду и надеюсь.

Когда дверь открывается, я вижу Землю под лестницей в овальном, туманном окне и представляю, как покину это место навсегда.

Я родилась в Москве, в СССР, в 1956 году, внепланово. Мои родители, за четыре года до моего рождения, были вовлечены во взрывоопасные и непредсказуемые отношения. Один был похож на электрический провод: тонкий, интенсивный, сильно заряженный, с плохой изоляцией. А другая – тихая, гладкая, как медуза, но ядовитая. Всем было ясно, что они друг другу не подходят, кроме них самих. Они боролись за совместный призрак счастья, уничтожая в этой битве всех и вся. Я результат этой неистовой борьбы. Я их гибрид.

Однажды мой отец с балкона 5-го этажа выбросил на тротуар холодильник. Никто не пострадал, нам повезло.

Моя мать в один из конфликтных дней методично изрезала на мелкие кусочки шубу, привезённую из Чешской республики. Шуба принадлежала одной из поэтесс – подруг моего отца. Нам повезло опять. Никто не был убит.

Молчаливая выносливость, благословенный, удивительный дар не относился к неисполненным моим предкам достоинствам. Моя мать, какие бы действия она ни предпринимала и как бы ни кипела внутри, никогда не срывалась на крик. Она поджимала губы, отец мой закипал, и в дело шли тарелки, ложки, стулья, колбаса. Отыскать эту колбасу и съесть – было пределом мечтаний. Закатившись под диван, докторская колбаса вкусно пахла, и казалось, что светилась в темноте от собственного аромата. Но дотянуться до неё не удавалось. Один из воинствующих предков выбросил в окно швабру, ручку которой можно было использовать, как инструмент. Окно было дырой во вселенную, куда время от времени бросали всякую всячину. Однажды мой отец выбросил в окно свои стихи «Голубая кукла в кимоно». Восстановить он их не смог, они исчезли. Загадочность и неопределённость главенствовали в нашей семье. Никто никогда не знал, чем закончится очередная битва.

Висевшие в коридоре олени рога меня завораживали. Я рано поняла, что жизнь несправедлива. Вчера этот олень бродил в первозданном лесу, а сегодня кучка пьяных, незнакомых людей легкомысленно вешала свои поддельные бобровые пальто на его грандиозные рога. Оказавшись в нашем доме, эти незнакомые люди надолго исчезали из их собственных жизней. Их родственники обрывали наш телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.